

Книги Павла Корнева
в серии

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО
ПУТЬ КЕЙНА
РЕНЕГАТ**

**ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТИЯ**

Цикл
«ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗКИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО
ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК
ЛЕД. КУСОЧЕК ЮГА**

В соавторстве
с Андреем Кружом
**ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК
ХОЛОД, ПИВО, ДРОБОВИК
ВЕДЬМЫ, КАРТА, КАРАБИН
КОРОТКОЕ ЛЕТО**

Цикл
«ЭКЗОРЦИСТ»

**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР
ОСКВЕРНИТЕЛЬ**

Цикл
«СИЯТЕЛЬНЫЙ»
**СИЯТЕЛЬНЫЙ
БЕССЕРДЕЧНЫЙ
ПАДШИЙ
СПЯЩИЙ
БЕЗЛИКИЙ**

Диалогия
«ДОРОГА МЕРТВЕЦА»

**МЕРТВЫЙ ВОР
ЦАРСТВО МЕРТВЫХ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ

РЕНЕГАТ

РОМАН

Москва, 2019
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1151

Художник
М. Поповский

Корнев П. Н.

К67 Ренегат: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 375 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2831-1

Небесный эфир пронизывает все сущее, и знающие люди способны прикасаться к нему, сплетать в заклинания, использовать в собственных целях. И отнюдь не всегда — во благо окружающим. Присягнувшие князьям запределья чернокнижники готовы принести в жертву потусторонним владыкам все и вся, лишь бы только добиться своего. Выявление отступников из числа ученого люда возложено на Вселенскую комиссию по этике.

Филипп Олеандр вон Черен — магистр-расследующий, молодой и амбициозный. Он ритуалист и адепт тайных искусств, но волшебному железу предпочитает пару покрытых колдовскими формулами пистолетов, а в подручных у него наемники и бретеры. Филипп не отступает от самых запутанных дел, не боится грязи и крови, ведь у него имеются собственные счета к чернокнижникам. Впрочем, хватает и скелетов в шкафу. Неспроста же его прозвали Ренегатом...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2831-1

© Корнев П. Н., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

Часть первая

ДОРОГА В ЗАПРЕДЕЛЬЕ

ГЛАВА 1

Пронзительный осенний ветер трепал пожухлые листья, мел по дороге колючую снежную поземку, выл в печных трубах и свистел под скатами крыш. А еще рвал полы плаща, сдергивал шляпу, обжигал неожиданно хлесткими порывами лицо. Будто издеваясь над флюгером почтовой станции, он беспрестанно менял направление, дул то в одну сторону, то в другую, и медный голубь на крыше крутился просто безостановочно.

Не желая уподобляться безвольной вертушке, я прислонился плечом к стене и несколько раз сжал и разжал кулаки, разминая занемевшие из-за утреннего морозца пальцы. Тонкие кожаные перчатки защищали от холода не лучшим образом, но все зимние вещи были убраны в забитый под завязку дорожный сундук.

Ангелы небесные!

День откровенно не задался: сначала пришлось вставать спозаранку и завтракать всухомятку хлебом с холодной кровяной колбасой, затем битый час ждать карету на продуваемой всеми ветрами площади перед почтовой станцией. А погода не радовала. Первый месяц осени выдался на удивление холодным и ненастным, словно мы находились в Северных марках, а не в Средних землях империи. Ко всему прочему еще и почта оказалась заперта!

Безобразие! Совсем здешний зритель страх потерял! Или дело вовсе не в беспечности и разгильдяйстве?

Я выдохнул короткое проклятие, изо рта вырвалось облачко пара.

— Как думаешь, Хорхе, — обратился я к слуге, — не сыграли, случаем, с нами дурную шутку, выставив за порог раньше условленного часа?

Хорхе Кован придержал едва не сдернутый ветром капюшон и поднял к небу смуглое лицо, обветренное и морщинистое. Пустое! Над крышами расплзлась серая пелена низких облаков; если солнце и взошло, этого было не разглядеть.

Слуга поежился и покачал головой.

— Ума не приложу, магистр, какой в том прок хозяину, — с сомнением произнес он после недолгих раздумий, затем стянул вязанные перчатки и принялся растирать ладонями покрасневшие щеки и орлиный нос.

Я обвел рукой темные окна выходящих на площадь домов и начал перечислять:

— Кареты нет, почтовая станция заперта, лавки не открылись. И кругом — ни души. Какой вывод из этого следует, Хорхе? Ну же! Используй логику!

— Логика... — осторожно произнес Кован не в первый раз слышанное от меня слово, — и... опыт подсказывают, что шутнику всыплют по первое число. Но, магистр, нужны ли нам неприятности?

Долгое пребывание на холоде отнюдь не наполнило мое сердце смирением и всепрощением, рассмеялся я недобро, даже зло.

— Хорхе! Императорской хартией ученый люд выведен из подсудности и светских, и церковных властей. Не забывай об этом!

Но так легко слугу оказалось не смутить.

— При всем уважении, магистр, — покачал он головой, — слова о хартии не остановят взбешенную толпу. Императорское правосудие далеко, а колья и косы — близко. Кинжал на поясе никого не напугает, придется пустить наглецам кровь. Ваши коллеги будут недовольны.

Тут он меня уел. Напряженные отношения между школярами и простецами давно стали притчей во языцех. Но и спускать столь изощренное издевательство я не собирался. Ноги замерзли так, что уже пальцев не чувствую!

— Мои коллеги никогда не бывают довольны, — проворчал я, не желая признавать правоту слуги.

— Хорошо хоть нет маэстро Салазара, — вздохнул Кован. — Грешно радоваться чужим бедам, но этот пропойца непременно втравил бы нас в неприятности.

— Трезвый Микаэль — сама доброта.

— И часто ли он пребывает в подобном состоянии? — не удержался Хорхе от едкого замечания. — Разве что когда спит

да пока не похмелился. Но с похмелья он и вовсе злой, как все князья запределья, вместе взятые!

Предвзятое отношение слуги к Микаэлю не являлось для меня секретом: старик на дух не переносил уроженцев Лавары, да и остальных южан тоже не жаловал. На юге соплеменников Кована издревле обвиняли во всех смертных грехах, начиная от ростовщичества и скупки краденого и заканчивая конокрадством и воровством детей.

— В городской тюрьме Риера не наливают, — проворчал я, внутренне негодуя, что срочный вызов спутал все карты и помешал вызволить подручного из цепких лап правосудия до отъезда из города.

Судебное разбирательство грозило затянуться надолго, а значит, в новом деле придется обходиться без талантов Микаэля.

Я постучал сапогом о сапог, но придумать достойную месть поднявшему нас ни свет ни заря шутнику не успел. Хорхе вдруг сообщил:

— Свет зажгли.

— Где? — оживился я.

— У булочника.

— Беги узнай, который час! — попросил я слугу, но тут же встрепенулся и снял с пояса кошель. — Держи грешель, купи какого-нибудь горячего питья. И не скупись, себе тоже возьми.

Хорхе Кован принял мелкую монету в четверть гроша и заколебался.

— Могу покараулить, пока вы сходите. Хоть погреетесь.

— Иди! — отмахнулся я.

Если дело не в дурацкой шутке и почтовая карета просто задержалась в пути, то кучер постарается наверстать упущенное время и ожидать пассажиров наверняка не пожелает. При необходимости Хорхе мог навязать свое мнение кому угодно, но, как совершенно справедливо заметил он сам, меньше всего сейчас нам нужны проблемы с местными властями.

Накинув на голову капюшон, слуга пересек площадь и постучался в булочную. Какое-то время ничего не происходило, затем дверь распахнулась и слуга скрылся в лавке.

Я остался на улице наедине с холодом и ветром. Та еще компания.

Сделав несколько глубоких вдохов, я обратился к своему эфирному телу и попытался с помощью внутренней энергии

ускорить кровотока и хоть немного согреться, но ожидаемо натолкнулся на невидимую стену. Когда-то для подобного трюка не требовалось даже сосредотачиваться, теперь же единственным результатом стало болезненное жжение в левой руке.

Провалиться мне на этом месте! В кого я превратился?! Беззвучно выругавшись, я начал перебирать пальцами янтарные четки, и вскоре раздражение и злость отошли на второй план, жжение в руке ослабло, перестал трясти озноб. Нет, холод никуда не делся, просто стало легче не обращать на него внимания.

Стукнула дверь, на улицу вышел Кован. Он пересек площадь и протянул мне одну из двух глиняных кружек, горячее содержимое которых курилось белесым паром.

— Два пфеннига, магистр, — полез он за сдачей.

— Потом! — оборвал я слугу и стиснул озябшими пальцами теплые бока кружки.

Затем вдохнул чудесный аромат глинтвейна, миг помедлил и сделал первый осторожный глоток. По телу разошлось живительное тепло, хмурое утро сразу перестало казаться таким уж беспросветно холодным. Впрочем, непогода мигом напомнила о себе порывом стылого ветра. Поземка на площади так и кружилась.

— Булочник говорит, с утра все в церкви, — сообщил Хорхе, хлебнул глинтвейна и поежился.

— Ну конечно! — Я хлопнул себя по лбу. — Болван! Сегодня же осеннее равноденствие! Первый день пути пророка в Ренмель!

Хорхе особой религиозностью не отличался, поэтому уточнил:

— И чем нам это грозит, магистр?

— Проторчим тут еще не меньше часа, — ответил я и вновь приложился к пузатой кружке. Сделал жадный глоток и поморщился. — Пока не закончится праздничная служба, никто в дорогу не отправится.

Кован скривился и досадливо сплюнул под ноги.

— Идите греться, магистр. Я покараулю карету.

— Допивай, сразу и кружку унесу.

Хорхе запрокинул голову, кадык на худой шее заходил вверх-вниз в такт быстрым глоткам, и я остановил слугу:

— Не торопись так!

Подогретое вино подействовало наилучшим образом, да и обращение к эфирному телу пусть и с заметным опозданием,

но все же принесло свои плоды — холод на время отступил. В гости к булочнику пойду позже, когда снова озябну.

Слуга вдруг встрепенулся и скинул с головы капюшон.

— Магистр! Слышите?

Я замер на месте и очень скоро уловил цоканье копыт и скрип конной упряжи. Влил в себя остатки глинтвейна и не без сожаления отдал Ковану кружку, о бока которой было так приятно отогревать замерзшие пальцы.

— Живо! Одна нога там, другая здесь!

Хорхе побежал в булочную, а я поднял с земли саквояж и прошелся по площади в ожидании почтовой кареты. Увы и ах, из-за домов на дорогу вывернула четверка лошадей, тащивших за собой неповоротливый дилижанс. Передней парой управлял паренек-форейтор, на облучке сидели кучер в зеленом плаще и заросший кудлатой бородой охранник в теплой стеганой куртке. Одной рукой последний придерживал устроенный на коленях арбалет.

Дилижанс! Я страдальчески сморщился. Мало того что пассажиры обыкновенно набивались в них будто селетки в бочки, так эти сундуки на колесах еще и ехали куда медленней почтовых карет. С тем же успехом можно было отправиться в путь пешком. Когда б не холод и опасность наткнуться на ватагу лихих людей, видят небеса, я бы так и поступил.

Лошади остановились, и парнишка-форейтор немедленно выбрался из седла, прошелся по площади, разминая занемевшие ноги и разогреваясь. Войлочная шапка, надвинутая на уши, и латаная-перелатаная куртка защищали от холода не лучшим образом.

Кучер закашлялся, трубно высморкался и простуженно крикнул:

— Кому на Стожьен? Ваша милость, поспешите! Лошадок здесь менять не будем!

Я заколебался, и успевший вернуться от булочника Хорхе Кован негромко спросил:

— Магистр, так мы едем или нет?

Почтовую карету можно было прождать еще час или даже два, поэтому я подошел к седоусому кучеру и поинтересовался:

— Что с местами, любезный?

На крыше были закреплены какие-то тюки и пара вместительных сундуков, рассчитывать на поездку в одиночестве не приходилось.

Кучер шустро спрыгнул с облучка и распахнул дверцу общего отделения:

— Прошу!

Внутри друг напротив друга были установлены две лавки. На одной относительно вольготно расположились два дородных горожанина в одежде мастеровых. На другой устроилась почтенная матрона сложением им под стать. Рядом с ней приткнулся пухлый юноша, и эта парочка буквально вдавила в противоположную дверцу румяного молодчика, чей род деятельности навскидку определить не удалось.

Смотрели на нас пассажиры безо всякой приязни; тесниться им никоим образом не хотелось.

И в таких условиях ехать до самого Стожьена? Увольте!

— Империа! свободен, магистр, — заметил Хорхе. — Прокачусь наверху.

— На крыше поездка за полцены, — поспешно вставил кучер и вытер рукавом нос. — Всего три крейцера с человека за почтовую милю.

— А спереди? — указал я на отделение для состоятельных и благородных.

— Дюжина с человека. — Кучер оценивающе глянул на мой дорожный сундук и добавил: — Багаж бесплатно.

Я заколебался, не зная, как поступить: отправиться в путь на дилижансе или дожидаться почтовой кареты? Простоять на холодном ветру еще невесть сколько времени или выехать в Стожьен на эдаком тихоходе, зато прямо сейчас?

Ангелы небесные! Ненавижу ждать!

Я поднял руку с четками, привычным движением намотал их на кисть и поцеловал золотой символ веры — звезду с семью волнистыми лучами.

— Закрепи сундук на крыше и лезь внутрь. Поедешь в общем отделении, — скрепя сердце, приказал я Ковану и достал кошель, но слуга покачал головой:

— На империа!е дешевле, магистр.

— Не по такому холоду, — отрезал я. — Лечить тебя потом дороже выйдет!

Хорхе пожал плечами и направился за моими пожитками, а кучер перестал загибать пальцы, высчитывая плату за проезд, и заорал на всю площадь:

— Гюнтер, бездельник! Помоги человеку!

— Бегу, дядя!

Фореитор бросился к Хорхе, и вдвоем они потащили сундук к дилижансу. Дальше Кован взгромоздил сундук на крышу и принялся закреплять его там веревками.

Кучер наконец покончил с расчетами и объявил:

— С вашей милости тридцать шесть крейцеров.

С учетом почтовых сборов при каждой смене лошадей поездка на карете обошлась бы даже дороже, и я распустил тесемки кошелья.

— Сколько времени займет дорога? — поинтересовался, выудив половину талера и пару грошей.

— Часа два, не больше, — ответил кучер, внимательно изучил серебряные монеты и расплылся в подобострастной улыбке. — Прошу!

Но тут встрепенулся бородатый охранник.

— Кинжал, — хрипло произнес он, заметив на моем поясе оружие.

— И что с того? — хмыкнул я, стянул с правой руки перчатку и продемонстрировал серебряный перстень с гербом Браненбургского университета. — Или бумаги показать?

Сомнение в грамотности собеседников прозвучало явственной некуда, и кучер быстро произнес:

— Не стоит, ваша милость. Забирайтесь, и тронемся!

Пальцы моментально занемели от холода, и это обстоятельство моего настроения отнюдь не улучшило, но до прямых оскорблений я все же опускаться не стал. А только распахнул дверцу, и сразу пошли прахом надежды на поездку в одиночестве. Место у дальней стенки оказалось занято худощавым сеньором, смуглым и темноволосым.

Как бы невзначай замешкавшись на верхней ступеньке, я окинул незнакомца быстрым взглядом. Было дворянину лет тридцать от роду, на худом лице с резкими высокими скулами и короткой черной бородкой выделялся крупный прямой нос. Волосы он стянул в косицу, в левом ухе посверкивала золотом серьга с крупным зеленым самоцветом. И глаза — тоже зеленые. Из-под распахнутого плаща проглядывала добротная ткань синего камзола, на шею был повязан теплый платок. Кожанный оружейный пояс оттягивала дага, а ножны с широкой и не слишком длинной скьявоной мой попутчик упер в пол и придерживал коленями. Левая рука лежала на сложной корзинчатой гарде.

— Сеньор... — Я коснулся кончиками пальцев шляпы, опустил на сиденье и устроил на коленях саквояж.

Кучер прикрыл дверцу, но темно из-за этого не стало: свет проникал через оконце с поднятой ставней в передней стенке.

Сосредоточенное лицо незнакомца дрогнуло, и он расплылся в обаятельной улыбке.

— Сильвио де ла Вега, к вашим услугам!

— Филипп вон Черен, лицензиат, — представился я, пытаюсь распознать акцент собеседника.

Это оказалось непросто: говорил он на северо-имперском наречии столь бегло и чисто, что вполне мог сойти за местного уроженца. Но южанин — это точно; слишком характерная внешность.

Сильвио с интересом посмотрел на мой серебряный перстень и не удержался от вопроса:

— Великодушно простите мое любопытство, Филипп, но разве вы не изучаете тайные искусства? Я слышал обращение «магистр»...

— О! — улыбнулся я. — Путаница вполне объяснима. Помимо всего прочего, так обращаются и к лекторам факультета свободных искусств.

— Благодарю за пояснение, — принял мой ответ собеседник, запахнул наброшенный на плечи плащ с меховым подбоем и погрузился в собственные мысли.

Лошади тронулись, дилижанс качнуло, и я задвинул засов, дабы случайно не вывалиться наружу из-за нектати распахнувшейся дверцы. Дорога оставляла желать лучшего. Казалось, вся она состоит из колдобин, выбоин и луж. Впрочем, морозец прихватил грязь, поэтому экипаж шел свободно и не застревал, к тому же, в отличие от жестких лавок общего отделения, наши сиденья были мягкими, с обтянутыми кожей войлочными подушками. Трясло не так уж и сильно.

— Путешествуете по делам, магистр? — обратился ко мне Сильвио со свойственной выходцам с юга непосредственностью.

— Получил кафедру в университете Святого Иоганна, — ответил я, в общем-то, чистую правду, шмыгнул носом и добавил капельку лжи: — Буду преподавать словесность.

— А! — оживился южанин и хлопнул себя по туго обтянутому кожаной штаниной бедру. — Как там было сказано: «Слово живое подобно эфиру небесному, книги — тела смертных людей»!

Зеленые глаза собеседника азартно блеснули, и я его не разочаровал.

— Не самый точный перевод со староимперского. В оригинале говорится о небесном светиле, не об эфире.

Сильвио развел руками:

— По нынешним временам подобное изречение граничит с ересью. Того и гляди, причислят к солнцепоклонникам.

Повисла неловкая пауза, и я отвлекся, чтобы раскрыть саквояж. Как назло, дилижанс сильно трянуло, под ноги мне вывалился лакированный деревянный футляр с затейливыми серебряными уголками.

— Что там у вас? — полюбопытствовал Сильвио.

Я провел ладонью по гербу Ренмельского императорского университета и улыбнулся:

— Мои орудия труда.

— Книги? — предположил южанин, оценил размеры футляра и поправился: — Книга?

— Трактат об изящной словесности небезызвестного Лотара Медасского, — подтвердил я, выудил из саквояжа носовой платок и вернул на место слишком уж увесистую для вместилища книги шкатулку. Затем отвернулся и с облегчением высморкался, перестав наконец шмыгать носом.

Колесо провалилось в очередную яму, и нас здорово подбросило, но дальше дилижанс пошел на редкость ровно, тряска стихла, смолк скрип колес. Я выглянул в окошко и обнаружил, что экипаж вывернул на староимперский тракт. Прошедшие с момента его создания века не сумели разрушить уложенные впритирку друг к другу каменные плиты. Древняя дорога тянулась на северо-запад через равнины и перевалы вплоть до Свальгрольма — главного порта Самоцветного моря.

Я с облегчением откинулся на спинку сиденья и начал перебирать четки, пропуская меж одеревеневших от холода пальцев шарики полированного янтаря. Те казались теплыми на ощупь; очень быстро призрачный огонь отогрел ладонь и стал взбираться вверх по руке, снимая напряжение, прогоняя сомнения и нервозность. Я начал проговаривать про себя молитву о благополучном завершении путешествия, но тут оценивший плавный ход дилижанса Сильвио отметил:

— Умели раньше строить, магистр! Не так ли?

— И не говорите, сеньор! — был вынужден я поддержать разговор. — Чего у древних не отнять, того не отнять.

— Если б только это! — экспрессивно махнул рукой южанин. — Если б только это, магистр! Мы выстроили дом на фундаменте сгнувшегося мира. Поскреби хорошенько — и непременно отыщешь следы Полуденной империи.

Я кивнул и оспаривать это утверждение не стал, поскольку оно не только соответствовало истине, но и было вполне безобидным и не могло навлечь неприятности одним лишь молчаливым согласием. Впрочем, беседовать на подобные темы со случайным попутчиком все же не стоило. Я посмотрел через узенькое окошко на улицу.

Дилижанс начал обгонять шагнувшего по обочине путника, но бродяга вдруг ухватился за подножку и побежал рядом. Прямо на ходу он перекинулся парой фраз с кучером и пропал из виду, а по крыше экипажа застучали тяжелые башмаки.

Нет, не бродяга, раз смог оплатить поездку, пусть и на империале.

Сильвио поднял лежавший в ногах заплечный ранец, достал из бокового кармашка плоскую фляжку, глотнул сам, протянул мне. Ноздри уловили аромат виноградного бренди, и я отказался, хоть и едва не стучал зубами от холода.

— Благодарю, сеньор. Предпочитаю менее крепкие напитки.

— Как знаете, — не стал настаивать Сильвио, сделал еще один глоток, и глаза его заблестели. — Древние умели не только строить. Они хоть и были презренными солнцепоклонниками, но во многом превосходили нас. Мы по сравнению с ними будто карлики рядом с великанами.

Тут уж я промолчать не смог и заметил не без сарказма:

— Как говаривал один мудрый человек, карлики на плечах великанов имеют более широкий кругозор по сравнению с последними.

— Пустые слова! Северные народы жили в дикости, цивилизацию сюда принесли имперские легионы!

— Принесли цивилизацию и забрали свободу. Рабство в обмен на право говорить на чужом языке — не слишком равноценный обмен, на мой взгляд. Вы не согласны?

— Юристы до сих пор изучают в университетах классическое, сиречь староимперское право. А денежная система? Талер в шестьдесят крейцеров и крейцер в четыре пфеннига — это же идет еще оттуда! — напомнил южанин. — А медицина? Все медицинские познания мы получили в наследство от язычников!

Я рассмеялся, принимая правила игры.

Сеньор де ла Вега хочет диспута? Он его получит!

— О да! Имперские гаруспики разбирались в анатомии как никто другой. Потрошить людей они были мастера.

Сильвио вновь глотнул бренди, закрутил колпачок и убрал фляжку в ранец. Затем начал перечислять:

— Арифметика, геометрия, астрономия...

Но недаром умение вести диспуты полагалось в университетах одним из главнейших достоинств ученого мужа; я тут же ухватился за оплошность оппонента и без всякого почтения его перебил:

— Астрономия?! Сеньор, имперские книжники всерьез полагали, что на севере солнце светит не так жарко исключительно из-за недостатка жертвоприношений. Кровь на ритуальных пирамидах завоеванных земель лилась рекой! А беднягу, который объявил наше светило звездой, одной из многих, сожгли на костре, несмотря на родство с императорской фамилией!

— Сжигают на кострах и сейчас! — немедленно напомнил южанин.

— Еретиков, не ученых!

— А так ли велика между ними разница? К тому же это лишь в империи ученое сословие не подлежит церковному суду, по ту сторону Рейга дела обстоят иначе, уж поверьте на слово. Упаси вас Вседержитель привлечь внимание Канцелярии высшего провидения! А о деяниях инквизиции в землях мессаиан и вовсе лучше не вспоминать. В Карифе, Архорне или том же Мерсано на костре может оказаться любой! Даже в Гиарнии никто не застрахован от этого, если на то пошло.

Впереди послышался резкий отзвук рожка, и замедливший ход дилижанс начал прижиматься к обочине. Я выглянул в окошко и увидел катившую навстречу почтовую карету. Мы разъехались, и Сильвио в ожидании ответа вновь обратил свое внимание на меня.

Что я мог противопоставить его словам? Многое, наверное. К примеру, рассказ о том, что церковники сжигают лишь своих погрязших в ереси собратьев, а тех же чернокнижников лишь топят в проточной воде. Вот только длинный язык еще никого до добра не доводил; не стоило слишком уж откровенничать с совершенно незнакомым человеком. Я предпочел отделаться банальным, зато самым безопасным высказыванием:

— Сеньор, Полуденная империя была построена на крови покоренных народов!

Этот неоспоримый факт я готов был отстаивать до хрипоты, но Сильвио оказался вовсе не так прост, он немедленно обратил утверждение против меня самого.

— Весь наш мир построен на крови, магистр! — объявил южанин и процитировал священное писание: — «Пророк предрек Дни гнева, и они случились по слову его»... — Не дождавшись никакой реакции на свои слова, он продолжил: — Южный континент ушел под воду, и от обширных некогда земель остались жалкие ошметки Солнечного архипелага. Сколько людей сгнуло тогда в Каменном море? А сколько погибло в последующих войнах?

— Язычники! — презрительно фыркнул я, поглаживая четки. — Они могли покаяться, но не нашлось среди них праведников. Вседержитель давал шанс спастись, им не воспользовались. Так кто повинен в этом, кроме них самих?

Крючок был наживлен весьма искусно, последователи немалой части ересей не удержались бы от замечания об изначальной неизбежности катастрофы, но сеньор де ла Вега лишь покачал головой и с ответными высказываниями спешить не стал. Пришлось взять инициативу на себя.

— Что же касается последующего кровопролития, то язычники резали язычников, это был их собственный выбор. Балансная борьба за власть, не более того...

Тут Сильвио кивнул:

— Борьба за власть, в которой самое деятельное участие принимал самопровозглашенный император Максимилиан, ныне причисленный к лику святых.

— Он принял истинную веру лишь через тридцать лет после тех событий, — парировал я, гадая, в какую ловушку пытается завести меня южанин.

Раз за разом собеседник менял направление разговора, и никак не удавалось понять, делает он это из желания оставить последнее слово за собой или исподволь направляет беседу в нужное ему русло. А быть может, просто захмелел и не вполне отдает отчет в своих речах?

Я даже рискнул воспользоваться истинным зрением, но эфирное тело Сильвио никаких сюрпризов не преподнесло, оказавшись блеклым и однородным, абсолютно нормальным для простеца. И пусть любые аномалии можно скрыть и замаскировать, едва ли мой собеседник практиковал тайные искусства. Еретик, провокатор или просто подвыпивший болтун,

истосковавшийся по общению с равными себе? Оставалось лишь теряться в догадках, по крайней мере — пока.

Изменивший направление ветер закинул в узенькое окошко колючую снежную крупку, и я потер ладонями озябшие щеки.

— Подумать только, клятвopреступник стал императором и святым! — покачал головой сеньор де ла Вега. — Максимилиан был всего лишь наместником Северной провинции, вы ведь знаете об этом? А в итоге он поднял бунт, разрушил Арбес и убил законного наследника Солнечного трона. И даже истинную веру принял лишь из желания заручиться поддержкой черни и остановить народные волнения.

— Династия прервалась в Дни гнева, в Арбесе короновали бастарда. Да и кого волнует, что случилось почти восемь столетий назад? Северная империя не просуществовала и ста лет, внуки Максимилиана растащили ее на королевства, как падальщики растаскивают по костям павшее животное.

Сильвио лукаво улыбнулся:

— Кого это волнует? К примеру, это волнует светлейшего государя — его императорское величество Фердинанда Второго. Иначе он давно бы перенес столицу из Ренмеля. Разделенный город — не лучшее место для монаршего двора.

Ренмель. Святой город и город разделенный. Империи принадлежала лишь левобережная часть столицы, на противоположном берегу Рейга начинались земли догматиков, признававших верховенство Сияющих Чертогов.

— Ренмель — единственное место к западу от Рейга, где ступала нога пророка! Никто не станет переносить столицу из святого для всех ортодоксов города.

— Догматики полагают святой лишь свою часть, ведь Сияющие Чертоги расположены на восточном берегу.

Я посильнее запахнул плащ и, переборов внутреннее сопротивление, произнес:

— Ну мы-то сейчас к западу от Рейга. Какое нам дело до мнения этих раскольников?

Собеседник испытующе посмотрел на меня, вроде бы немного даже поколебался, но все же не смог промолчать и сказал:

— Поговаривают, будто светлейший государь намерен повторно короноваться в Сияющих Чертогах, и корону на его голову на этот раз возложат и архиепископ Ренмельский, и понтифик догматиков Иннокентий.

— Абсурд! — взорвался я, на миг позабыв об этикете. — Нелепая и невозможная выдумка! Светлейший государь не примет власти понтифика, а иначе тот никогда не провозгласит Фердинанда законным императором!

Случившийся семь столетий назад церковный раскол разделил верующих на тех, кто признал догмат о верховенстве наместника Сияющих Чертогов, и тех, кто сохранил верность изначальным традициям. Восток остался за догматиками, запад — за ортодоксами. И пусть войны веры давно канули в прошлое, а на смену им пришли редкие пограничные стычки, отношения между представителями разных религиозных течений оставляли желать лучшего.

Пойти на поклон к наместнику Сияющих Чертогов и обмануть ожидания собственных подданных? Настроить против себя всех ортодоксов разом? Невозможно! Император не безумец и не вероотступник.

Так я об этом собеседнику и заявил. Сильвио в ответ на мои слова лишь ухмыльнулся.

— У всего есть цена, — сказал он столь спокойно, словно речь шла о покупке свиных ребрышек в соседней мясной лавке. — Светлейший государь многое отдаст, лишь бы избавиться от диктата совета курфюрстов. Сейчас князья империи полагают его лишь первым среди равных, а коронация в Сияющих Чертогах докажет всем и каждому, что власть императора идет от самого Вседержителя!

«Если так, то лишь большая удача поможет Фердинанду дожить до коронации», — подумал я, но вслух говорить об этом не стал. Неосторожные слова будто удавка — и моргнуть не успеешь, как она затянется у тебя на шее. Тем более что насчет князей Сильвио ничего нового мне не сообщил.

Власть монарха и в самом деле была далека от абсолютной. Империя напоминала лоскутное одеяло, сшитое из королевств, герцогств, княжеств, марок, графств, церковных земель, вольных городов и рыцарских ленов. Порядок престолонаследия определяли тринадцать князей-выборщиков, и некоторые из этих влиятельных особ относились к правящей династии безо всякого пиетета. Те же герцоги Лоранийские и вовсе никогда особо не скрывали своих притязаний на трон.

И большой вопрос, хватит ли у светлейшего государя решимости одним махом сломать устоявшийся порядок вещей. Усиление императорской власти точно не обрадует крупных

феодалов, а духовенство воспримет любую договоренность с понтификом догматиков не иначе как плевок в душу.

Святые небеса! Да о чем тут вообще говорить? Это всего лишь пьяный бред!

Я откинулся на мягкую спинку сиденья, подышал на озябшие пальцы и негромко рассмеялся:

— Сеньор большой шутник. На миг я решил, что вы говорите серьезно. Удивите меня, расскажите о мотивах понтифика. Только не упоминайте о подкупе. Золота в казне Сияющих Чертогов водится с избытком.

— Денег много не бывает, — подмигнул южанин, но настаивать на этой версии не стал. — Да будет вам известно, магистр, что понтифик с юных лет грезит походом веры против язычников Арбеса. Монархи восточного мира не спешат ввязываться в эту авантюру, но участие империи способно их подстегнуть. Никто не сможет остаться в стороне.

Я позволил себе скептическую улыбку и покачал головой:

— Наместник Сияющих Чертогов и его кардиналы — прагматики до мозга костей. Разумеется, они все как один ревнители веры, но идти на уступки империи лишь из желания перебить в пустыне несколько тысяч солнцепоклонников...

— В пустыне?! — взвился де ла Вега. Невесть с чего мое предположение оскорбило его до глубины души, но южанин сумел взять себя в руки и произнес, надменно растягивая слова: — Магистр! Пиратский флот Арбеса господствует в западной части Каменного моря безраздельно. Мимо язычников там не проскочит даже утлая рыбацкая лодчонка. Все торговые суда забирают далеко на восток, идут к портам Золотого Серпа. Келуя, Медьяно, Зальяни полностью контролируют торговлю с Солнечным архипелагом и снимают с нее все сливки. Золото, специи, ткани, рабы... Для вас это на другом краю света, но, быть может, стоит... расширить кругозор?

— Вы правы, сеньор, — примирительно произнес я, размышляя над тем, кому донести о странном попутчике по приезду в Стожьен, — для меня это действительно на другом краю света. Так вы полагаете, его святейшество намерен взять под контроль торговлю с Солнечным архипелагом?

— Его святейшество... — в голосе Сильвио прозвучала нескрываемая усмешка, — просчитывает ситуацию на много ходов вперед. Не удивлюсь, если взятие Арбеса он использует для разведывания сухопутного пути к Берегу Черного Жемчуга. — Южанин недобро усмехнулся и заметил: — В Гиарнии

этому рады не будут, монополии на торговлю с дикарями придет конец.

— Города Золотого Серпа потеряют куда больше, — сказал я, обдумывая услышанное. — Если торговый флот пойдет напрямик мимо Арбеса, богатеть начнут порты Западного побережья.

Сильвио остро глянул на меня, кивнул и замолчал, как-то враз перегорев и потеряв всякий интерес к продолжению беседы. Да еще дилижанс дернулся, качнулся и запрыгал на кочках так сильно, что я пребольно приложился плечом о дверцу.

— Ангелы небесные! — невольно вырвалось у меня. — Ради всего святого, зачем мы съехали с тракта?

И в самом деле — экипаж повернул на лесную дорогу, узенькую и разбитую тележными колесами. Ветви деревьев с пожухлой листвой так и заскребли по стенкам и закрепленным на крыше сундукам.

— Кучер разве не предупредил? — удивился южанин. — Перед Стожьеном он собирался заехать в какую-то деревеньку поблизости.

— Будь я проклят! — выругался я. — Стоило дожидаться почтовой кареты!

— Стоило, — согласился со мной Сильвио, надел бархатный берет и потянулся к ставне. — Вы позволите, магистр? Я собираюсь вздремнуть.

— Разумеется, сеньор, закрывайте. Смотреть в лесу все равно не на что, а так будет меньше дуть.

За время поездки я продрог до костей и пару раз даже ловил себя на желании выбраться наружу и пробежаться рядом с экипажем. И уже немного жалел, что опрометчиво отказался от великодушно предложенного попутчиком бренди.

Глинтвейн! Как только приедем в Стожьен, непременно пошлю Хорхе за подогретым со специями вином. Корица, мед, изюм, цукаты...

Какое-то время я пытался задремать, но из-за тряски несколько в этом не преуспел. Тогда вновь стал перебирать пальцами четки и не закончил еще и первого круга, как дилижанс дернулся и остановился столь резко, что нас едва не сбросило с сидений.

— Святые небеса! — не удалось сдержать мне раздраженный возглас. — Сейчас-то что?!

Прежде чем я нашарил засов и распахнул дверцу, сеньор де ла Вега беспечно усмехнулся.

— Полноте, магистр! — зевнул он, поправляя сбившийся берет. — Увязли в грязи, только и всего. Сейчас наши попутчики вытолкают дилижанс, и поедем дальше.

И точно — с улицы донеслись взволнованные голоса пассажиров из отделения для черни.

Я вздохнул и зло пробурчал:

— И надо было только сворачивать с тракта...

Выйти и помочь товарищам по несчастью мне и в голову не пришло. Не затем двойной тариф платил, чтобы месить ногами дорожную грязь. Справятся и без нас!

Не справились. В дверцу постучали, и это поразило даже сильнее неожиданной остановки.

— Неужто так сильно увязли? — нахмурился я. Сломайся ось или отвались колесо, дилижанс бы перекосило, а тут просто остановились.

— Ну что ж, магистр, — вздохнул Сильвио, — давайте облегчим работу лошадям...

Он положил скьявону на сиденье, я тоже вещи брать не стал, толчком распахнул дверцу и выпрыгнул на дорогу. Подошвы проломили корку подмерзшей грязи, под ногами мерзко чавкнула бурая жижа. Я поспешно переступил на чистое место, тряхнул сапогом и лишь после этого посмотрел на сгрудившихся у дилижанса пассажиров, их неестественные позы и перекошенные от страха лица. Сразу подался назад, но наткнулся спиной на южанина и замер с разведенными в стороны руками.

А кто бы на моем месте не замер? Нацеленный в грудь арбалет не тот аргумент, который проигнорирует разумный человек. Да и не всякий неразумный рискнет дернуться. Жизнь дороже.

— Грабки к солнцу, оба два! — потребовал худой дядька с волчьим взглядом — тот самый бродяга, которого мы подобрали по дороге.

Каторжанский жаргон в заблуждение не ввел: обычным ограблением здесь и не пахло. Недаром скалился в бороду дюжий охранник и поигрывал кистенем кучер, а юнец-форейтор хоть и приглядывал за лошадьми, но за пояс у него теперь были заткнуты потертые ножны с пехотным тесаком.

— Не дурите, сеньоры, и никто не пострадает, — обнажил кучер в насквозь фальшивой улыбке гнилые зубы и резко крикнул: — Оружие не хватай! Не хватай, я сказал!

Бродяга перевел арбалет на Сильвио, и тот поспешно отвел руку от пояса с дагой. Я воспользовался оказией и отступил к своим товарищам по несчастью.

Те все как один были людьми дородными, таких болт насквозь не прошьет, в мясе засядет. А пока самострел не разрядят, до леса бежать нельзя: дилижанс будто нарочно остановили точно посреди поляны. Что от одной обочины, что от другой деревья отступали никак не меньше чем на двадцать шагов. Да и кусты с редкими пожухлыми листьями и строевые сосны не лучшее укрытие от преследователей. Затеряться среди них не выйдет.

Ангелы небесные! Раньше мне ничего не стоило отвести болт в сторону одним лишь усилием воли, сейчас же приходилось идти на всяческие ухищрения, лишь бы только коснуться небесного эфира. Без предварительной подготовки ущербный колдовской дар помочь в скоротечной схватке не мог.

Хорхе кинул на меня быстрый взгляд, я в ответ едва заметно кивнул. Случайные лесные разбойники еще могли отпустить обобранных до нитки жертв, а этим ловкачам живые свидетели — что кость в глотке. В лучшем случае полоснут ножом по горлу — и в канаву.

— Грош, не спи! — скомандовал кучер, и тут же кто-то выдернул из ножен на поясе мой кинжал.

Ехавший с нами румяный молодчик шагнул к Сильвио, но обезоружить дворянчика не успел. Хорхе в один миг очутился у него за спиной и приставил к горлу кованую бритву. Когда он успел ее раскрыть, не заметил даже я.

— Мы уходим, сеньоры! — объявил слуга, стоило лишь мне укрыться за ним от стрелка.

Бородач шагнул, занося топор, и Кован рявкнул:

— Назад!

Бритва надрезала кожу, по шее молодчика заструилась кровь, и громила замер на месте. Я потянул слугу за плечо, направляя того к распахнутой дверце отделения для благородных. Наш маневр не укрылся от разбойников, и арбалетчик зло процедил:

— Сейчас ты у меня схлопочешь...

— По ногам! — испуганно взвыл кучер. — Иначе сам в круг ляжешь!

Стрелок замешкался, и я проворно юркнул внутрь дилижанса. Хорхе нашарил ногой ступеньку и встал на нее, заставляя молодчика приподняться на цыпочки.

— Давайте разойдемся по-хорошему... — заискивающе предложил выступивший вперед кучер, и Кован тычком в спину отправил ему в объятия ненужного больше пленника. Бритву от шеи он при этом не отнял, и острейший клинок вскрыл горло словно бумагу. В лицо остолбеневшему мужику ударила тугая струя крови.

— Тварь! — взвыл кучер. — Порву!

Но поздно. Хорхе уже заскочил ко мне, рывком захлопнул дверцу и запер на засов. Я задвинул щеколды ставни и принял-ся шарить руками в поисках упавшего на пол саквояжа.

— Разожги светильник! — приказал я слуге, отыскав сумку. — Быстрее! — а сам вытащил и устроил на коленях деревянный футляр.

Кто-то из лиходеев дернул на себя запертую дверцу; запор выдержал, тогда шибанули обухом топора ставенку окошка. И вновь — безрезультатно. Но это пока. Очень скоро разбойники опомнятся и примутся выковыривать нас из дилижанса, как в голодные годы выковыривают кметы из панцирей улиток и устриц. Время терять нельзя.

— Хорхе, шевелись!

Кремень стукнул о кресало раз, другой, и всполохи искр сменились едва уловимым отсветом затеплившегося на фитиле огонька. Светильник разогнал тьму, и я откинул крышку футляра. Внутри на сафьяновой подложке лежали пара колесцовых пистолей, две медные пороховницы — большая и малая, заводной ключ на длинной ручке и мешочек с пулями.

Кован ухватил скьявону южанина и обнажил широкий клинок, оценивающе взвесил его в руке. Болтали, будто *детти ветра* рождаются с ножом в руке, а Хорхе был плоть от плоти своего народа, пусть и оставил вольную жизнь перекати-поля, поступив ко мне на службу пять лет назад. Несмотря на преклонные годы, в грязной уличной рубке он мог неприятно удивить любого.

Послышались крики и ругань, донесся отзвук смачной оплеухи, а потом шум стих и в дверцу постучали.

— Открывайте! — потребовал кучер. — Монеты заберем, зато живыми останетесь!

Я уже заряжал пистоль и откликнулся лишь из желания протянуть время:

— Нам нужны гарантии!

— В глотку их тебе забью, сволочь! — рывкнули за дверцей, и я узнал голос бородатого охранника.

Послышалась возня, словно буяна оттаскивали от дилижанса, и вновь заговорил кучер.

— Будьте благоразумны! — принялся увещевать он нас. — Отдайте оружие и деньги и проваливайте подобру-поздорову. Не заставляйте ломать дверь, не доводите до греха! Лучше лишиться кошелька, чем жизни!

Пускать в ход топор лиходею не хотелось: и доски добротные, с такими придется повозиться, и порубленная дверца в глаза бросаться будет.

— Точно отпустите? — уточнил я.

— Провалиться мне на этом месте!

— Провалишься... — тихонько выдохнул я, отложил на сиденье заряженный пистоль и попросил: — Нам надо все обдумать!

И снова взъярился охранник.

— В заперделье думать будешь, гад! — крикнул он, и на этот раз подельники оттаскивать и успокаивать бузотера не стали.

Тук! Дверца дилижанса дрогнула, встопорщилась щепой.

Тук! Из досок выглянул краешек топора. Клинок дернулся, пропал и вновь шибанул в дверцу, теперь куда ближе к запору.

— Быстрее, магистр! — поторопил меня Хорхе Кован. Обветренное и морщинистое лицо слуги закаменело и осунулось, но клинок в его руке несколько не дрожал.

Тук!

Я схватил пороховницу со сложной вязью нейтрализующих магию письмен на медных боках, насадил ее на ствол пистоля, провернул, и сложный механизм с тихим скрежетом отмерил нужное количество пороха. Вдавить увесистый свинцовый шарик в дуло помогла латунная головка заводного ключа, а его длинная прямая ручка прекрасно сгодилась для проталкивания пули в ствол. Раз — и готово!

Тук! На этот раз топор угодил совсем рядом с запором, и тот опасно выгнулся. Ну же! Клятая железяка, продержись еще немного! Дрожащие руки со второй или третьей попытки насадили головку ключа на взводной шпindel и нервным рывком завели тугую пружину колесцового замка. Кранк!

Шторка отодвинулась, и я поспешно прижал к полке медный цилиндр малой пороховницы. Подпружиненный штырек ушел в корпус, просыпался затравочный заряд. Потянув за гнутую ручку, я опустил курок, и пружина надежно зафиксировала прижатый к боковине стального колеса кусочек кремня.

Дверцу резко дернули, но засов выдержал, и последовал очередной удар топором. Да чтоб вас разорвало!

— Магистр? — нервно оглянулся на меня Кован. — Вы готовы?

Я скинул с плеч плащ, взял пистоль с покрытым магическими формулами стволом в левую руку, в правой зажал его брата-близнеца и во всю глотку рывкнул:

— Довольно! Мы сдаемся!

Удары смолкли, и после недолгой паузы последовал приказ:

— Отпирайте и бросайте оружие!

— Нам нужны гарантии! — крикнул я в ответ и негромко распорядился: — Хорхе, тyani время...

А сам закрыл глаза и обратился к незримой стихии. Без предварительной подготовки сделать это оказалось непросто: эмоции людей до предела взбаламутили эфир, тот тек и дрожал, искажая перспективу и заставляя терять ориентацию. Когда же наконец удалось отрешиться от искажений, истинное зрение различило горевшие в серой взвеси пятна аур.

Двое у кареты, один поодаль, еще один затаился на крыше.

Неподалеку виднелась группа не столь ярких эфирных тел, но сейчас судьба товарищей по несчастью меня нисколько не волновала. В любом случае помощи от попутчиков ждать нечего, придется справляться самим.

Впрочем, двое против четырех — не столь уж и безнадежный расклад. Знать бы только, где стоит арбалетчик! Отошел он от кареты или забрался наверх? Как поступил бы на его месте я сам?

Из транса вырвал резкий отзвук удара; от неожиданности я вздрогнул, но на этот раз по доскам просто приложились обухом топора.

— Открывайте живее! — рывкнули снаружи. — Бритву кидайте! И палаш дворянчика! Ясно вам? А то болт всадим!

— Хорошо! — крикнул я в ответ, переждал, пока отпустит головокружение, и потуже затянул на левом запястье янтар-

ные четки. — Хорхе, открывай. Только учти — кто-то забрался на крышу.

Слуга заколебался и уточнил:

— Стоит ли, магистр?

— А какие варианты? — вздохнул я. — Открывай, мы им для чего-то нужны живыми...

Кован кивнул и сунул в рукав засапожный нож, а скьявону и бритву выложил на край лавки.

— Мы выходим, сеньоры! — оповестил он разбойников, сдвинул погнутый засов и толкнул дверцу, но той не дали распахнуться, придержав снаружи.

— Оружие! — потребовал навалившийся на дверцу бородач. Смерть подельника напрочь отбила у него всякое желание рисковать.

К моему величайшему сожалению, через узкую щель не получилось ни оценить обстановку, ни понять, где затаился арбалетчик.

Где же эта сволочь?!

— Оружие! — вновь рявкнул бородатый охранник.

Хорхе Кован с сомнением оглянулся на меня, дождался кивка и послушно выкинул в щель оба клинка.

— Больше ничего нет? — спросил охранник. — Соврете — ноги отрублю и подышать брошу!

— Да все это! Все!

Дверцу отпустили, бородатый детина поспешно отступил назад и перехватил обеими руками топор. Рядом с ним неуверенно переминался с ноги на ногу юнец-форейтор, он никак не мог решить, замахнуться ему тесаком или просто выставить клинок перед собой.

В дюжине шагов от них замер подобранный на тракте бродяга.

— Руки на виду держать! — нервно потребовал он, нацелив на нас арбалет. — На виду, я сказал!

Кован показал раскрытые ладони.

— Спокойней, сеньоры! — криво улыбнулся он.

— Спокойней?! — взвился охранник. — Да будь моя воля, я б тебя прямо здесь порешил, старый ублюдок! — Он сплюнул на землю и потребовал: — Шевелись, тварь! — но сам подходить к дилижансу не стал, опасаясь загородить нас от стрелка.

А Хорхе не спешил, давая мне время осмотреться. Я замер на самом краешке сиденья и буквально прикипел взглядом к арбалетчику. Тот отошел от дилижанса, насколько смог, отсту-

пить дальше помешали припорошенные снежком деревья. Но пятнадцать шагов — дистанция пустяковая, лишь бы не случилось осечки...

— Живей! — прикрикнул бородач и, потеряв терпение, шагнул к дилижансу.

Кован спрыгнул в дорожную грязь и присел на корточки. На удар сердца внимание разбойников сосредоточилось на слуге; я вытянул правую руку и дернул пальцем спусковой крючок. Стремительно крутнулось стальное колесо, сыпанул искрами кремь, пыхнул белым дымком затравочный заряд. И сразу — выстрел!

Пистоль плюнул огнем прямо в лицо обомлевшего бородача, пуля прошла впритирку с его ухом и миг спустя угодила в голову арбалетчика. Стрелок рухнул как подкошенный, припорошенную снежком землю забрызгала алая кровь.

Перепуганные лошади рванули с места, и я едва не полетел в дорожную грязь, лишь в последний миг успел соскочить с подножки и устоять на ногах. На миг все кругом заволкло пороховым дымом; я выкинул разряженный пистоль и ринулся через серую пелену.

— Замерли, твари! Пристрелю!

И пристрелил бы, но братъ грех на душу не пришлось. Обожженный и оглушенный охранник дилижанса и без того уже выронил топор и зажал ладонями глаза, а паренек-форейтор испуганно взвизгнул и отбросил тесак. Дать нам отпор у юнца оказалась кишка тонка, а вот рухнувший с крыши дилижанса кучер злобно ощерился и потянулся за кистенем.

Впрочем, сразу одумался и выкинул оружие на обочину. Ничего другого ему попросту не оставалось: Кован уже завладел арбалетом, да еще откуда-то сбоку выскочил де ла Вега. Южанин поднял мой валявшийся в грязи кинжал и замешкался, не зная, как быть дальше.

Я мельком глянул на других пленников: все они были живы и здоровы, просто связаны по рукам и ногам.

Форейтор придерживал за руку скорчившегося от боли бородача, опасности эта парочка не представляла. А вот кучер вполне мог выкинуть какой-нибудь фортель.

— Ты! Быстро ко мне! — приказал я кучеру, а миг спустя в спину мягко толкнулась эфирная волна. Затейливые посеребренные символы на граненом стволе пистоля засветились, блокируя призванные выжечь пороховой заряд чары, и заклинание кануло втуне.

Заклинание? Откуда?!

Я резко обернулся, и в тот же миг незримая стихия вскипела, лопнула, плюнула белесым сгустком эфира. В примитивное усыпляющее заклинание оказалось вложено столько силы, что его разглядел даже Сильвио. Южанин отпрыгнул от меня, влетел в кусты и распластался на палой листве.

Я последовать его примеру никак не успевал. Да и не собирался! Вместо этого перехватил эфирный сгусток левой рукой, и в раскрытую ладонь словно врезалось невидимое ядро. Удар оказался столь силен, что меня едва не развернуло на месте. Взять под контроль чужое заклинание не удалось, получилось лишь отвести его от себя. Да еще за краткий миг контакта я успел порвать пару энергетических нитей и сместить центральный узел. Молочная белизна сгустка сменилась серостью могильного савана, отлетевшие от меня чары врезались в парочку пятившихся к лесу лиходеев и выжгли их души. На подмерзшую дорожную грязь упали два безжизненных тела.

Тут же щелкнул арбалет, и вслед за фореитором и охранником в запределье отправился кучер. Прохвост рискнул выхватить из-за пояса нож, но Кован оказался быстрее.

За деревьями почудилось смазанное движение, я повел рукой, взял небольшое упреждение и выстрелил. Полянку вновь заволокло дымом; пуля сбила с куста пожухлые и прихваченные морозцем листья, а затем с глухим стуком угодила в сосновый ствол. Промах!

Порыв ветра разметал остатки дыма и снес их в сторону. Я выдохнул беззвучное проклятие и замер в ожидании ответной магической атаки, но колдун не решился продолжать схватку и рванул в чащобу. Судя по затухающим колебаниям эфира, отвлекающим маневром бегство не было. Удрал, стервец! Удрал!

Горожанка визжала как оглашенная, я не выдержал и рявкнул:

— Заткнись, дура! — а когда тетка осеклась, уже спокойней попросил южанина: — Сеньор, освободите людей.

Сильвио миг поколебался, затем кивнул и поспешил к пассажирам, лежавшим на земле со спутанными запястьями и лодыжками.

— Хорхе, не зевай! — крикнул я, поднял с дороги разряженный пистоль и побежал к замершему на обочине дилижансу. Переднее правое колесо угодило в канаву, это и помешало

лошадям утащить экипаж дальше. Коняги испуганно фыркали и прыдали ушами, но уже не рвались с места.

Я заскочил в кабину, вытянул из саквояжа холщовый подсумок, покидал в него пороховницы, мешочек с пулями и заводной ключ. Без промедления выбрался наружу и отошел на середину дороги.

Колдун вполне мог вернуться; адепты тайных искусств склонны и в грош не ставить простецов. Шибанет чем-нибудь мощным по дилижансу и развеет в пыль; даже дернуться не успею.

— Ваш кинжал, магистр! — подбежал ко мне Хорхе.

— Смотри в оба! — приказал я, сунул клинок в ножны и принялся заряжать пистоль. Отвлекся на уже освобожденных от пут пассажиров и рывкнул во всю глотку: — Не стойте столбом! Выталкивайте дилижанс!

— Я могу чем-то помочь, магистр? — спросил растерянный Сильвио.

— Присмотрите за ними! Не ровен час, без нас уедут! И умоляю, ничего не говорите о колдуне!

Силушки мастеровым не занимать, справятся с экипажем в два счета, а страх иной раз толкает на самые безумные поступки. Перепуганных простецов не остановит угроза неминуемого воздаяния, сначала они уберутся подальше и лишь потом задумаются о последствиях опрометчивого поступка. Хотя... скорее, просто напьются.

Сунув приведенный к бою пистоль за пояс, я занялся вторым и для начала выбил из ствола попавшую туда грязь и обтер запальную полку. На руку сыграл утренний морозец; в противном случае так легко очистить оружие не вышло бы. Повезло! Сейчас время буквально на вес золота: если заклинатель успеет подготовиться, придется лихо.

Глупо бежать вдогонку за колдуном? Ангелы небесные! Мне ли этого не знать? Но и дать ему уйти я попросту не мог.

Пороховница. Пуля. Ключ. Запальный заряд. Курок!

— Магистр, мы готовы ехать! — окликнул меня де ла Вега.

— Ждите! — отозвался я, поднимаясь на ноги. — Сейчас вернусь.

— Ноги бы отсюда унести... — проворчал Хорхе Кован, который отнюдь не горел желанием участвовать в этой аванюре.

— Оставайся! — распорядился я и перекинул ремень подсумка через плечо. — Справлюсь сам. Сам, сказал! Только помешаешь!

Слуга кивнул, а вот Сильвио отреагировал на мои слова со свойственной южанам экспрессией.

— Преследовать колдуна? — прошипел он, приближаясь. — Это безумие, магистр! Одумайтесь!

Я не стал вступать в бессмысленный спор и продрался через кусты, безжалостно ломая ветки и обрывая прихваченную морозцем листву. Снег едва-едва покрывал землю, из него торчал сухой бурьян, и отыскать следы беглеца получилось не сразу. Но — отыскал, благо под высоченными соснами оказалось светло, даже несмотря на затянутое серой пеленой небо.

— Это безумие! — вновь донеслось от дороги.

Безумие? Вовсе нет, всего лишь работа.

Я бежал меж деревьев с пистолем в руке. Под ногами шуршала трава и хрустел валежник, затем на глаза попалась извилистая тропка. Снег там пестрел отпечатками подошв, но я продолжил двигаться меж деревьев. Пусть и приходилось то и дело уклоняться от сучьев, зато был не так высок риск угодить в расставленную колдуном ловушку. Много ума не надо протянуть над тропинкой какую-нибудь гадость...

А вот попасть в засаду я несколько не опасался. Потревоженное эфирное поле успокоиться еще не успело, затухающие колебания доносились издали, откуда-то из самой чащи леса. Беглец не потрудился заглушить биение внутренней энергии — либо не посчитал нужным, либо попросту не успел, и теперь незримая стихия вскипала и колыхалась в такт ударам его сердца.

До меня докатывались едва уловимые отголоски этих искажений, но хватало и этого. Я взял след. Азарт придал сил, истинное зрение раскрасило осенний лес в недоступные простецам цвета, мир стал понятен и прекрасен. У колдуна не было никаких шансов спрятаться от меня. Отыщу стервеца даже на дне морском!

На глаза попались протянутые меж деревьев призрачные нити; заклинатель все же оставил ловушку, вполне способную погубить неосторожного преследователя. Влетишь, запутаешься, да так и останешься висеть ссохшейся мумией. Даже зверье кости обглодать побрезгует.

Запалить усилием воли порох или усыпить человека мог любой ритуалист, в этих же нитях чувствовалась магия темная и запретная. Удивляться тут нечему — а кто еще свяжется с душегубами? — но прежде у меня теплилась надежда, что на

большой дороге решил пошалить какой-то недоучка. Ан нет, не судьба.

— Святые небеса! — выдохнул я и замедлил шаг, став куда внимательней поглядывать по сторонам.

И даже так биение чужой силы понемногу усиливалось; колдун больше не убегал. Уверился в собственной безопасности или поджидает преследователей? Кто бы подсказал...

Деревья неожиданно расступились, и над небольшой прогалиной показалось пасмурное небо, дальше топорщились сухими ветвями мертвые сосны, белел припорошенный снегом поваленный ствол. Густой подлесок темнел бурой листвой, обзор сократился до пары десятков шагов. Всюду валежник, рыжий бурьян да голые ветви облетевших кустов. И тропа.

Незримая стихия по-прежнему подрагивала, потревоженная энергетикой беглеца, отыскать его не составляло никакого труда, но я не спешил. Эфирное поле уплотнялось и окутывало липкой незримой паутиной, теперь оно ощущалось буквально физически. Протяни руку — и прикоснешься. Но прикасаться не хотелось.

Впереди было *место силы*. Эманации потустороннего пронизывали все кругом, грели жаром незримого светила, дурманили сознание и сбивали с толку. Лишенные дара простецы не могли долго противостоять этому пагубному воздействию; они теряли над собой контроль и творили в подобных местах жуткие вещи. А на кровь, страх и боль будто акулы из глубины являлись обитатели запределья. Бестелесные духи мне не страшны, но чернокнижник — не простец, он может докричаться до кого-то действительно опасного.

— Ангелы небесные! — тихонько охнул я и начал забирать правее, огибая урочище по лесу против хода солнца.

Заметив дрожавшую на ветру осинку, зажал пистоль под мышкой и кинжалом срезал две ветки. Одну сразу убрал в сумку, на коре другой острием клинка быстренько накидал примитивную формулу, сложностью едва ли превосходящую наговоры безграмотных деревенских ведьм. Зуд в левой руке после касания эфирного сгустка так до конца и не прошел; если ситуация выйдет из-под контроля, жезл — даже столь убогий — лишним точно не будет.

Колыхания незримой стихии становились все резче и обрывистей, и я двинулся к эпицентру искажений, заходя с севера. Неглубокий овраг привел к прогалине, посреди которой торчала расщепленная ударом молнии сосна. Давнишний по-

жар изрядно проредил подлесок, всюду из снега торчал бурьян. Тут и там синели пожухлые цветки василька, желтел сухой хвоей погибший куст можжевельника.

Близость запределья ощущалась все явственней; меня то бросало в жар, то охватывал противоестественный холод. Во рту появился привкус крови — а скорее, даже воспоминание о нем! — торс прострелила боль от давным-давно зажившего шрама. И левая рука... Ее словно жалила стая невидимых ос; пальцы свело судорогой, и мало-помалу боль начала захлестывать плечо и подкатывать к шее.

За что не люблю чернокнижников, так это за эгоизм. Призывают силы, которые и осмыслить не в состоянии, а мне страдать...

Я достал срезанную ветку осины, закусил ее, и рот тут же наполнила неприятная горечь, зато прояснилось сознание. Фантомная боль отступила, вернулась четкость мысли. Насколько получилось, я закрыл от внешнего воздействия свое эфирное тело и осторожно двинулся дальше.

Место силы обнаружилось в распадке между двумя поросшими лесом пригорками. В самом его центре из земли проглядывала гранитная плита, вокруг высились стволы мертвых сосен с растопыренными в разные стороны сучьями-лапами. Они казались сказочными чудовищами, но опасаться сейчас стоило вовсе не мифических персонажей...

Обходной маневр полностью оправдал себя: к чернокнижнику удалось подойти со спины. В камзоле и с непокрытой головой он стоял на коленях и быстро водил по камню перед собой колдовским жезлом. Каждый жест ритуалиста буквально прорезал пространство, бурый гранит расчерчивали оранжево-красные линии.

В давние времена суеверные кметы наверняка приносили здесь жертвы своим выдуманным покровителям, а потом в один недобрый день кто-то из знающих людей зачерпнул слишком много силы, и его объятая пламенем душа рухнула напрямик в запределье. Так и появилась червоточина, связавшая реальность с ее изнанкой.

В распадке понемногу сгущался туман, слышались шепотки растревоженных духов, краем глаза я то и дело ловил смазанные движения. Но серебро выгравированных на стволах пистолей формул пока лишь едва заметно светилось, и я не стал действовать наобум. Вместо этого укрылся за сухим ство-

лом и принялся изучать обстановку, стараясь не упустить ни малейшей детали.

Ритуальная плита располагалась в центре вписанной в круг гексаграммы; наложенные друг на друга треугольники вычертили, посыпав снег горячим пеплом. Разворошенный костер еще слабо дымил, поблизости валялись брошенные на землю плащ и дорожная сумка.

«Сам в круг ляжешь», — вспомнился окрик кучера, и я кивнул. Шесть лучей и центр звезды — это семь жертв: как раз я и Хорхе, а еще южанин, горожанка с отпрыском и пара мастеровых. Но людей на закляние больше нет, и все же колдун от ритуала не отказался. На что он рассчитывает? Князя за пределами обожали кровавые подношения; в обмен на души смертных они щедро наделяли чернокнижников силой, а что сейчас может предложить им ритуалист, кроме себя самого? Глупец!

Ирония судьбы — придется спасать заклинателя от участи, которая много горше утопления в проточной воде! Если начистоту, я уж точно не возражал бы, окажи кто-нибудь подобную услугу мне самому.

Чернокнижник казался целиком и полностью поглощен ритуалом, но беззащитным при этом отнюдь не был: вокруг него колыхались призрачные жгуты силы. Подобно щупальцам обитавшей в южных водах актинии они беспрестанно двигались и проверяли пространство — подойду и увязну в безнадежной схватке с магической охраной. А значит, придется стрелять. Пуле такая защита не помеха.

Туман еще больше сгустился, в нем замелькали призрачные тени, и стало ясно, что медлить больше нельзя. Сунув надкушенную ветку осины обратно в подсумок, я оперся о дерево, устроил ствол пистоля в сгибе левой руки и медленно выдохнул. Эфирное поле дергалось и колыхалось, его волны накатывали теперь уже беспрестанно, грань между мирами истончалась все сильнее. Прежде чем потянуть спуск, пришлось ждать и выгадывать подходящий момент. Чутье не подвело, выстрел грянул точно в мимолетное затишье. Пуля серебряным росчерком сверкнула в сгустившемся эфире, и буйство незримой стихии не отклонило свинцовый шар в сторону, он попал точно в цель.

Чернокнижник вскрикнул и повалился на камень с простреленным бедром; без раздробленной кости дело точно не обошлось. Боль заставила колдуна потерять контроль над соб-

ственными чарами, и жгуты призрачной защиты мигнули и погасли.

Я сунул дымящееся оружие в подсумок и зашагал к начерченной на снегу звезде, на ходу вытянул из-за пояса второй пистоль. Пусть заклинатель и корчился на земле, но даже занная в угол крыса бывает опасна, что уж говорить о людях.

Ритуалист — совсем молодой еще парень со стянутыми в косицу светло-русыми волосами бился на земле, подвывая и зажимая ладонями кровоточащую рану. Колдун едва не терял сознание от боли, его ауру пронзали резкие алые вспышки. Я ускорил шаг, намереваясь наложить жгут, но чернокнижник вдруг перевернулся на живот и лихорадочными мазками собственной крови принялся завершать нанесенную на плиту схему. И тотчас оранжево-красные линии налились недобрым багрянцем.

Наша жизнь — непрерывный выбор. Мы сами решаем, готовиться к экзаменам или всю ночь пить с друзьями вино, мудро промолчать или ответить наглцу на оскорбление, отступить или добиться поставленной цели. Иной раз у нас есть время все хорошенько обдумать, иногда контроль над телом берет бессознательное — то, что ученые мужи именуют мудрым словом «рефлексы».

Сейчас в дело вступили именно они. Я не колебался и не медлил, не думал и не целился, просто взял и выстрелил навскидку. Какую бы сделку ни намеревался закрепить своей кровью чернокнижник, сделать он ничего не успел. Пуля угодила в затылок, и человек рухнул ничком на гранитную плиту. Жаль! Очень жаль!

Волнения незримой стихии начали понемногу стихать, но эфир по-прежнему оставался слишком плотным, через него приходилось буквально продираться. Голова закружилась, призрачные голоса в ней и не думали умолкнуть. Волосы зашевелились на затылке от недоброго предчувствия.

Окинув взглядом нарисованную на снегу звезду, я без малейшей опаски ступил внутрь и перевернул безжизненное тело на спину. Выходное отверстие изуродовало лицо, светлая челка и короткая русая бородка слиплись от крови. Мерзкое зрелище. Теперь уже и не поймешь — встречались раньше или нет.

Университетский перстень? На правой руке покойника никаких колец не было, а вот левая оказалась сжата в кулак, и стоило лишь мне вывернуть худое запястье, по граниту пока-

тился янтарный шар размером с куриное яйцо. Всю его желтовато-красную поверхность покрывала вязь затейливых узоров, самым крупным и четким из которых оказался солярный символ — восьмилучевая свастика. Ангелы небесные! Еще и язычник!

Я потянулся к странному амулету, но тот засветился изнутри и начал плавиться, терять форму и растекаться по камню. Заключение в странном артефакте сила высвободилась, набежала горячей призрачной волной, исказила эфирное поле. Туман закружился и начал быстро затягивать сухие сосны. Стемнело вмиг.

Я успел разве что помянуть недобрым словом мертвеца, а расплавленный янтарь уже полыхнул синим пламенем, окрасил все кругом в лазурные и бирюзовые тона. И как-то сразу стало ясно — злобному недоумку все же удалось открыть проход в нереальность и докричаться до обитателей тамошних хтонических глубин.

Тело чернокнижника дрогнуло, и вновь я действовал без малейших колебаний. Выхватил из под сумки надкусанную осиную ветвь и со всего маху воткнул ее заостренный конец в шею покойника. Почудился разочарованный выдох, тело обмякло и неподвижно распласталось на земле. Мертвая плоть вновь стала мертвой плотью.

Янтарный амулет прогорел и погас, но это уже не играло никакой роли. Потустороннее рывком ворвалось в наш мир, и первыми явились обитатели его верхнего слоя, обычно именуемого теологами чистилищем.

Серые тени вынырнули из-под земли, соткались в туманные фигуры, заматались в поисках добычи, обожгли меня случайными касаниями. От неожиданности я вздрогнул и на какой-то миг утратил контроль над собственными эмоциями.

Безмозглый кретин! Духи уловили присутствие смертного, ощутили растерянность и страх. Вслепую навалились, попытались иссушить эфирное тело и сожрать душу, но я уже переборол непростительную слабость и очистил сознание от панического желания броситься наутек. Полученные в университете знания помогли выставить ментальные щиты и полностью закрыться от взбесившейся незримой стихии.

Самоконтроль. Все дело в самоконтроле.

Получившие отпор души грешников в ярости заматались в тумане, завывали, заголосили на сотни беззвучных голосов. Не в силах отыскать меня, они угрожали, льстили, сулили испол-

нить любые желания, обещали наделить невиданным могуществом. Я не верил ни единому их слову — предадут и обманут! — и медленно пятился от гранитной плиты.

Самоконтроль. Главное — самоконтроль.

Если не совладаешь с собственными страстями, не скрутишь в бараний рог эмоции и не выжжешь ростки паники, навеки сгинешь в потустороннем мороке. И хорошо если просто сгинешь, а не утянешь за собой других.

Жар запределья опалял все сильнее, туман окутывал холодом и пытался заморозить. Незримую стихию искажали emanации зла, и духи понемногу перестали быть призрачными тенями, они напитывались силой и стремились принять свой былой материальный облик.

И пусть заблудшие души были не слишком опасны для знающего человека, вслед за ними в открытую дверь мог пройти кто-то несравненно более могущественный. У каждого места силы был хозяин, а князь запределья не чета духам. Для древних волшебников, чья железная воля некогда проломила границу между мирами, выпить чужую жизнь не составит никакого труда. Века пребывания во тьме преумножили их могущество, изуродовали разум и превратили в нечто невообразимое, желавшее хоть на миг вновь ощутить себя живым. И не важно, скольким людям придется ради этого мига умереть.

И даже хуже, чем просто умереть, — души несчастных навеки канут в запределье, превратятся в игрушки потусторонних владык, станут их драгоценными трофеями и фетишами. Небеса не дождутся их, Вседержитель не примет под свою десницу, эфир не исцелит душевных ран и не наполнит сознание нескончаемой радостью. Герой или праведник — не важно. То, что кануло в запределье, останется там навсегда. И осознание этого факта причиняло мне физическую боль.

Вырвавшись из липких объятий тумана, я развернулся и бросился бежать по собственным следам. Выскочил на давешнюю прогалину и поискал взглядом полынь или тысячелистник, но те в лесу не росли. Пришлось довольствоваться васильками и крапивой, да еще набил подсумок сухими ветками можжевельника. И кинулся обратно к жертвенному камню.

Да! Место силы как язва на теле нашего мира, нельзя оставить все как есть. Надо запечатать его, пока не случилось большой беды.

— Помоги мне, Вседержитель! Ангелы небесные, не оставьте заботой своей...

И знаете что? Они и не оставили.

Когда я вернулся к гранитной плите, туман еще не успел добраться до потухшего костра и эманации запредельного не извратили жар углей, не отравили его своей потусторонней заразой.

Я вывалил на кострище ветви можжевельника, придавил их и подул, не спуская взгляда с места силы. Реальность дрожала там и выгибалась; нечто невообразимое пыталось проникнуть в наш мир, будто всплывал и никак не мог вырваться из объятий ила долгие века пролежавший на дне морском левиафан.

Молочная пелена приблизилась, ее белесые отростки раскинулись во все стороны, но как раз в этот миг сухая хвоя вспыхнула ярким огнем, стремительным и чадающим. Я едва успел кинуть сверху охапку сорванной на поляне травы. Стебли загорелись, но почти сразу костер погас и от него повалил густой дым. И тогда туман стал просто туманом. Метававшиеся в нескончаемой агонии души грешников отступили, пусть ненадолго и недалеко.

Вытащив из подсумка заготовку волшебной палочки, я ткнул ею в угли, выждал, пока конец не закурится дымком, и повел рукой, подцепляя сгустившийся эфир. Тот неохотно потек, и несколькими набросками мне удалось соткать в воздухе семиконечную звезду. Затем пришел черед второстепенных фигур и вспомогательных символов. Поначалу с ними не возникало никаких проблем: туман и дым оказались прекрасными помощниками — они позволяли визуальнo контролировать рисунки и не полагаться на одно лишь истинное зрение. Но дойти до финальной стадии ритуала оказалось отнюдь не просто. Угли на осиновой ветви начали гаснуть, и мой сделанный на скорую руку волшебный жезл стал куда хуже прежнего взаимодействовать с незримой стихией. Эфир срывался с него, фигуры смещались и не желали становиться в правильные позиции, некоторые символы и вовсе развеивались, стоило только переключить свое внимание на что-то иное.

Святые небеса! Умение работать напрямую с эфиром без инструментов и обрядов — вот признак истинного мага, одного из тех, кого именуют маэстро. А я... Я просто жалкий ритуалист!

Обида на всех и вся, раздражение и сожаление о недостижимых возможностях лишь на краткий миг раскололи скорлупу моей сосредоточенности, но хватило и этого. Туман забурлил и породил на свет светловолосого молодого человека, высокого и плечистого. Призрак не был писанным красавцем, лицо портили узкая челюсть и тонкие губы — невесть с чего люди полагали их свидетельством безвольного характера. Отчасти ситуацию исправляли благородный прямой нос, высокий лоб и правильный разрез глаз — некогда синих, а теперь — молочно-белых под стать затянувшей все кругом пелене.

Я с первого взгляда узнал потустороннего гостя. Да иначе и быть не могло: сложно не узнать самого себя, пусть и помолодевшего на добрых пять лет.

— Ты убил меня! — зло крикнул призрак. — Ты убил меня столь же верно, как если бы воткнул в сердце нож! Из-за тебя я впутался в это дерьмо!

Из-за меня?! Я буквально задохнулся от возмущения и обиды. Безумно захотелось рывкнуть в ответ, что он сам выбрал свою судьбу, что всему виной его собственная гордыня, но миг слабости уже прошел. Я стиснул зубы и невероятным усилием воли заставил себя промолчать.

Самоконтроль! Никто и ничто не заставит меня утратить самоконтроль! А слезы на глазах... Это все дым. Едкий дым, не более того.

Доппельгангер шагнул ко мне, но я предугадал это движение и отступил за костер. И последующий рывок призрака тоже предугадал, успев за миг до того со всей силы пнуть прогоревший можжевельник и продолжавшую чадить траву.

Взметнулись искры, и морок сгинул, личина сползла с мертвого чернокнижника, неизменными остались лишь молочно-белые глаза. Тварь отшатнулась и едва не упала, но сразу восстановила равновесие. Наклонилась вперед, подобралась для прыжка...

В университете обучение работе с жезлами большей частью прошло мимо меня, тут же я превзошел самого себя. Хитрый финт кистью, быстрое вращение и рывок, словно выуживаешь из реки рыбу!

Обломок осинового ветки зацепил эфир, дернул, намотал и смешал с дымом. Он заменил мне и прялку, и веретено, помог свить энергетическую нить и послужил рычагом, когда я хлестнул метнувшуюся в атаку нежить.

Плеть накрутилась на шею мертвеца, обратное движение оторвало изуродованную голову, и та улетела прочь, бесследно канув в тумане. Тело упало, а следом осыпалась невесомым пеплом осиновая ветвь; обычная палка просто не была рассчитана на столь мощный поток силы. Я остался без инструмента.

Зависшие в воздухе эфирные фигуры дрожали и понемногу развеивались. Эманации запределья ощущались все явственней, пространство искажалось под их воздействием, мир словно закручивался в воронку. Точнее, не мир, нет — в воронку затягивало меня самого.

На изготовление нового жезла не оставалось времени; я ухватил ближайший луч семиконечной звезды, и пальцы не прошли через жгут эфира, а словно стиснули пруток раскаленного железа. Жуткая боль сотней осиных укусов метнулась от кисти к локтю, замерла на миг и поползла выше уже не столь быстро. Рука окуталась тончайшими лучиками, словно стянутую с плоти и проколотую кожу надели на ярчайший светильник. Меня всего перекарежило, но я не разжал пальцев и рывком отправил эфирную фигуру к гранитной плите, попутно придав ей вращение, как если бы раскручивал детскую карусель.

Сработало! Медленно вращаясь, звезда поплыла к месту силы. Воодушевление помогло перебороть боль, я позабыл о ожжении, принялся хватать вспомогательные фигуры и швырять их вдогонку, но не абы как, а направляя каждую на свое место в единственно верном порядке. Косой крест! Пентаграмма! Око! Россыпь рун! Серп!

Эфирная печать плыла в воздухе, вращаясь вокруг собственной оси. Понемногу ее движение замедлялось, каждый новый символ добавлял волнистым лучам холодного белого сияния. Малые фигуры и вовсе пылали рукотворными светилами, от их нестерпимого блеска вновь наполнились слезами глаза.

Якорь! Фигуры резко остановились, и сразу застопорилось вращение. Энергетические потоки потянули печать и зафиксировали в нужном положении, как прижимает деревянную пробку к сливному отверстию толща воды.

О да! Я вскинул руку, намереваясь прикрыть глаза, но за миг до того заклинание обрело мимолетную материальность и рухнуло на гранитную плиту. Вспыхнуло! Пространство пронзила короткая судорога, меня отбросило прочь, миг спустя с хрустом переломились сухие сосны. По счастью, стволы лесных великанов повисли в воздухе, сцепившись сучьями с устойчивыми под напором незримой стихии деревьями.

Перевалившись на бок, я стянул с горевшей огнем ладони перчатку, сгреб с земли ледяное крошево и зажал его в кулаке. Алые точки на коже быстро тускнели и пропадали, а вот боль проходить не спешила. По лицу потекло что-то теплое и липкое; я высморкался и снегом оттер кровь с бороды. Затем немного поколебался и поднялся на ноги. Точнее, попытался: голова пошла кругом, в ушах зазвенело, перед глазами замелькали серые точки.

Когда наконец слабость оставила меня, от потустороннего тумана уже не осталось никакого следа. Проведенный ритуал надлежащим образом запечатал место силы, и незримая стихия быстро успокаивалась. Не пришлось даже долго медитировать, чтобы привести в порядок собственное эфирное тело; все получилось само собой.

Левая рука? Что ж, какое-то время придется потерпеть... Я кое-как натянул перчатку на негнущиеся пальцы и поежился от пронзительного осеннего морозца. Азарт схлынул, начал бить озноб, застучали зубы. Обычное дело — пока двигался, холода даже не замечал, а тут разом до костей пробрало.

Камзол толком согреть не мог, а верхняя одежда осталась в дилижансе, поэтому я без всяких угрызений совести позаимствовал плащ чернокнижника, брошенный тем у костра. Мертвецу он точно ни к чему.

Выбрав из пепла не до конца прогоревший стебель крапивы, я откусил с конца узел, продул полную трубочку и приложил ее к алому угольку. Затянулся — и дым наждаком продрал глотку, провалился в легкие, заставил закашляться. После двух или трех вдохов сознание окончательно прояснилось, да и боль в левой руке слегка поутихла и больше не заставляла скрежетать зубами.

Накинув капюшон, я встал у гранитной плиты, которую прочертило несколько трещин, и оценил проделанную работу. Упрекнуть себя было решительно не в чем. К чему ложная скромность? Справился на отлично, хоть экзаменационную комиссию вызывай.

Поборов мальчишеское желание помочиться на жертвенник, я вернулся к кострищу и раскрыл валявшуюся там сумку. Первым делом пересыпал себе из тощего кошелька монеты, затем пролистал исписанную убористым почерком тетрадь. Записи, схемы, формулы, расчеты. Все — зашифрованное, с наскоку не разобраться. Сейчас, впрочем, и не до того.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ДОРОГА В ЗАПРЕДЕЛЬЕ	5
Часть вторая. ШКОЛЯРЫ И КНИГИ	82
Часть третья. ИСТОЧНИК ЗЛА	179
Часть четвертая. ПОРОХ И КРОВЬ	265
Часть пятая. ПРЕРВАНЫЙ ПУТЬ	366